

УДК 81'42

UDC

DOI 10.17223/18572685/41/12

СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МАЛЫХ ПЕСЕННЫХ ЖАНРОВ СЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА В СОВРЕМЕННОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

И.В. Тубалова¹, Ю.А. Эмер²

Томский государственный университет, Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

¹E-mail: tina09@inbox.ru, Scopus Author ID: 56705533600, SPIN-код: 8530-2711

²E-mail: julika71@mail.ru, SPIN-код: 3255-0482

Авторское резюме

Статья посвящена выявлению функционально обусловленной специфики народной припевки и направлений ее трансформации, вызванной спецификой социокультурной ситуации в современном славянском мире. Современные фольклорные жанры различным образом реализуют фольклорную функцию социокультурной идентификации. Среди наиболее востребованных – как лично, так и институционально – выступают народные припевки как малые песенные фольклорные жанры. Частушка и коломийка как жанры русского и украинского фольклора демонстрируют общность принципов миромоделирования, обусловленную единством славянских традиционных фольклорных установок. Такая жанровая специфика, а также ряд общих свойств современного социокультурного бытия славянских народов бывшего СССР определяют единство вектора изменений принципов функционирования славянских народных припевок. Малые песенные фольклорные жанры в настоящее время практически утратили функцию организации устного фольклорного коммуникативного обмена. При этом они оказались востребованы в других сферах коммуникации. Они обладают формально-содержательной мобильностью – в силу ориентированности вовне. Отвечая на личностную потребность современного человека в социокультурной идентификации, припевка активно функционирует в его институционально не регулируемых коммуникативных сферах. При этом ее текст испытывает незначительные внешние трансформации, обусловленные особыми условиями бытования в письменной форме. Принципы жанрового миромоделирования в основном сохраняются, а содержание, согласно жанровым принципам, отражает актуальную действительность. Среди институциональных дискурсов активностью использования припевки выделяется политический дискурс. Отвечая на манипулятивную интенцию социального института, припевка испытывает значительные трансформации жанровых принципов миромоделирования. Утрачивается свойство карнавального иронического переворачивания нормы: норма реализуется прямо, выстраиваясь с позиций агентов политического дискурса. При этом русскую частушку жанровые трансформации приближают к ядерным жанрам политического дискурса.

Ключевые слова: славянский фольклор, дискурс, фольклорный жанр, малый песенный жанр, частушка, коломийка, жанровая трансформация.

* Работа выполнена в рамках программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

SOCIALLY CAUSED TRANSFORMATIONS OF SMALL SLAVIC FOLKLORE SONG GENRES IN MODERN COMMUNICATIVE SPACE*

I.V. Tubalova¹, Yu.A. Emer²

Tomsk State University, 36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹E-mail: tina09@inbox.ru, Scopus Author ID: 56705533600

²E-mail: julika71@mail.ru

Abstract

Modern folklore genres differently realize the folklore function of socio-cultural identification. The most popular, both personally and institutionally, are folk pripevkas as small song folklore genres. In this study, the functional specificity of the small song folklore genres and their transformations are considered in Russian chastushkas and Ukrainian kolomyikas. At present, small song folklore genres have almost lost the function of oral folklore communicative exchange organization. However, they are in demand in other communication spheres. They are formally and semantically flexible due to their outward orientation. Responding to modern people's personal need in socio-cultural identification, the pripevka actively functions in people's communication spheres that are not regulated by institutions. At the same time the pripevka text slightly transforms externally due to the specific conditions of its written form. The principles of genre world modeling are mostly preserved. The content, according to the principles of the genre, reflects the current reality. Political discourse is an institutional discourse that actively uses the pripevka. Reacting to the manipulative intention of the social institution, the pripevka significantly transforms the genre principles of world modeling. It loses the feature of the carnival ironic norm inversion: the norm is expressed directly from the standpoint of the political discourse agents. Genre transformations bring the Russian chastushka closer to the nuclear genres of political discourse.

Keywords: Slavic folklore, discourse, folklore genre, small song genre, chastushka, kolomyika, genre transformation.

В современных исследованиях фольклор понимается как актуальная форма коммуникации, одной из функций которой является социокультурная идентификация современного человека (К.А. Богданов, С.Ю. Нелюдов, Б.Н. Путилов и др.).

Выполнение обозначенной функции было свойственно фольклору на всем протяжении его существования в любой национальной культуре. При этом современная фольклорная коммуникация имеет некоторые значительные отличия от коммуникации, осуществляемой посредством фольклора в традиционной культуре. В связи с этим реализация данной функции в современной культуре претерпела определенные изменения. Основными из них являются следующие.

Во-первых, человек в современном обществе оказывается задействованным в целом ряде дискурсивных практик, освоение которых пред-

* This research is supported by Tomsk State University Competitiveness Improvement Program.

полагает его идентификацию с определенной социокультурной группой. Фольклор участвует в данном процессе как одна из форм реализации социокультурного единства.

Во-вторых, современное информационное пространство организовано как мультиканальное, поэтому информационно-дидактическая функция уже не является для фольклора определяющей – для ее осуществления в основном используются другие каналы. Роль функции социальной идентификации возрастает: «Важно не то, что тексты пословиц и быличек чему-то учат, а то, в качестве каких текстов они опознаются, это тексты "свои" или "чужие", "нормативные" или "ненормативные"» (Богданов 2001).

В-третьих, в условиях глобализации, размывания национально-культурных границ активизируется потребность человека в самоидентификации, и фольклорная сублимация выступает в качестве адекватной формы удовлетворения данной потребности.

Таким образом, фольклор в настоящее время остается естественной коммуникативной сферой культурного осуществления современного человека. При этом его востребование претерпевает функциональную перефокусировку – на ведущие позиции выходит функция социокультурной идентификации.

Потребность в такой идентификации возникает по отношению как к национальной культуре в целом, так и к разным подсистемам современной социальной культуры: профессиональной, досуговой, территориальной и др.

«Новый» функционал фольклора создает предпосылки для активного использования данной формы культуры институциональными структурами, привлекающими отдельные фольклорные жанры для упаковки идеологически значимого для этих структур содержания.

Таким образом, фольклор в современном мире востребуется как с позиций институциональных, так и с позиций личностно-ориентированных.

Современные фольклорные жанры различным образом реализуют фольклорную функцию социокультурной идентификации. Среди наиболее востребованных (как личностно, так и институционально) выступают народные припевки как малые песенные фольклорные жанры, существующие в разных славянских национальных фольклорных жанровых системах (русские частушки, украинские коломийки, польские краковяки, сербские и хорватские бечарцы). Эти жанры, различные по внешним текстovým признакам, демонстрируют единство принципов миромоделирования, в котором отражается единство славянских национально-культурных установок.

В данном исследовании функционально обусловленная специфика малых песенных фольклорных жанров славянской культуры и их

трансформации в славянском социокультурном пространстве рассматриваются на материале русских частушек и украинских коломиек. Материалом послужили тексты из личной коллекции авторов (более 300 единиц), а также тексты, размещенные в средствах массовой коммуникации России и Украины (порталы политических партий, официальные и неофициальные информационные порталы, неофициальные фольклорные сайты, социальные сети – более 400 единиц).

Институциональная и личностная востребованность этих жанров определяется их жанровыми свойствами (о жанровых свойствах см.: Соколов 1925; Лазутин 1987; Кулагина 2000; Адоньева 2004 и др.).

1. Основная жанровая цель славянских народных припевок – выразить экспрессивно окрашенный отклик на внешнюю действительность. Их характеризует содержательная ориентированность «вовне», отличная от достаточно герметичной текстовой среды фольклора в целом. Так, на данное свойство частушки особое внимание обращает Б.Н. Путилов: «Основной жанровый массив фольклора чужд хроникальности, сиюминутности и даже просто откровенной злободневности. У каждого жанра свои сферы бытия, свои общественные функции и свои возможности. Что касается злобы дня, то это прерогатива слухов, сплетен, разного рода толков, острот, живой речевой стихии. Злобе дня посвящаются частушки и, конечно, анекдоты» (Путилов 1994: 53). Злободневность припевок проявляется на материале самых разных объектов жанрового переосмысления: от межличностных (в основном любовных) отношений до институциональных. Особо выразительно данное свойство проявляется на материале припевок, отражающих социополитическую ситуацию в славянском мире в разные периоды: частушки – *Как во сталинском колхозе Зарезали мерина. Разделили все кишки, Вспоминали Ленина (СО) // Перестройка, перестройка – я и перестроилась. У соседа денег много – я к нему пристроилась*; коломийки – *Ой, эта Америка, щоб она сгорела, Все мое здоровьечко извсегда изъела // Ой, яка ж ти, коломийка, весела, хороша. Протирають дупутати наші з вами гроші* и т.п. В данных текстах отражается актуальная для различных периодов развития русского и украинского общества тематика, а ее развертывание осуществляется как результат моделирования народного взгляда на оцениваемые события, единые для славянских народов – бывших представителей СССР (организация колхозов, холодная война, перестройка и др.).

2. Припевки отличает особый способ интерпретации действительности – доминантность лирического начала, мажорность основного эмоционального тона, принципиально оценочный характер содержания. Актуальную действительность славянская припевка представляет

специфическим, по сравнению с большинством фольклорных жанров, образом. «Идеальная» действительность предстает в ней в виде анти-нормативного мира. Последовательное отталкивание от нормы – один из принципов жанрового миромоделирования (на материале частушки это показано в: Тубалова, Эмер 2005; Эмер 2011 и др.). Нормы предъявляются по модели «от противного»: верность возлюбленному как коллективная норма любовных отношений (*У меня миленка три, Три и полагается: Пока я с одним целуюсь, Два других ругаются // Ой, гуляла дівчинонька по зеленій гаті, Із зіллячка назбирала хлопців чарувати*), мужское доминирование (*Не противитись мені ти, діду, що я своєвольненька. Ти вже два рази одружився, я ще молоденька*), подчинение родителям (*Меня дома бьют, ругают, / Велят милого забыть. / Выйду в сенечки, поплачу, / Но по-ихнему не быть // Як зачую коломийку, зачую-зачую. Через тоту коломийку дома не ночую!*) и др.

3. Востребованность припевок обуславливает также особый характер текстовой формы. С одной стороны, он не требует особых условий для исполнения, с другой – узнаваемость стихотворной и словесно-музыкальной организации припевок (рифма, особый ритм, музыкальное сопровождение, четырехстрочная – композиционно не жесткая – организация частушки, двустрочная – по 14 слогов каждая – организация коломийки и др.) предполагает особый эмоциональный настрой.

Указанные жанровые свойства народных припевок в современном институциональном и личностно-ориентированном социокультурном пространстве славянского мира реализуются следующим образом.

Личностно-ориентированная реализация. Современный человек, испытывая потребность в социокультурной идентификации, выбирает народную припевку в качестве одной из форм ее реализации. В основном припевки в этом качестве реализуются в ситуациях устного публичного игрового взаимодействия в неофициальной праздничной коммуникации и письменной интернет-коммуникации, также выступающей как форма публичного эмоционально-информационного обмена, – на специальных сайтах¹.

Злободневность как жанровое свойство припевки определяет естественность обращения к актуальным для современной действительности объектам. «Вечная» жанрово обусловленная тематика транслируется при их участии. Ведущую роль играет любовная тематика: *Вот и кончилась любовь, Разлюбила дилера, А чтоб он не домогался, Полюбила киллера // Я поставлю по фен-шую В спальне старую кровать. Мне б сейчас – любовь большую! Было б легче зимовать!* Появляются и новые социально актуальные темы, единые для частушки и коломийки в силу общей направленности вектора социального развития славянских народов бывшего СССР: *Будут в армию опять Балалаечников брать, Вот еще бы*

научились Водкой танки заправлять // Як мене призвали у війсьکو, сильно я впервся. Не хотів Родіні служити втікнуть намагався.

Некоторые бытовые темы, активные в традиционных русских и украинских народных припевках, получают иное – современное – звучание. Так, в традиционных частушках и коломийках любовная тематика раскрывается через обсуждение нарушения нормы естественных межполовых отношений молодой пары: *Меня милый изменил, На козе уехал в Крым. А я маху не дала – На корове догнала // Ой, у садочку вишня-вишня, що ж таки не черешня. Колі мене любку любиш, що ж таки не береш мене?* Современные припевки расширяют потенциал заданной жанром аномативности, что определяется менее жестким характером современных сексуальных норм: *Снятся парню вновь и вновь Однополая любовь. «Снятся людям иногда Голубые города!..» // Долго думала свекровь Про сердечную любовь. И у тещи увела Её старого козла.*

Полидискурсивный характер существования современного человека, а также изменение структуры информационного обмена выражаются в размывании границ бытового и институционального в жанровой картине мира. Так, оценка бытовых объектов может осуществляться через апелляцию к объектам институциональным. Рассмотрим пример частушки: *Депутат ко мне пришел И на ночь остался. Я моргнула, намекнула, А он воздержался.* Комическая интерпретация негативного результата низового действия осуществляется через использование институционально значимой номинации героя (*депутат*), определяющей двойное прочтение лексемы *воздержался*. Подобный способ жанрового миромоделирования реализуется и в коломийках: *Хтось за пазуху поліз, не сказавши слова... Я гадала, це любов, а це – податкова.* Комический эффект реализуется за счет выраженного текстовыми средствами контраста личностного чувства (*любов*) и конкретной институциональной структуры (*податкова – «налоговая»*).

Текстовая форма народных припевок при устной форме их реализации является стабильной: публичное музыкальное исполнение поддерживает жанровую функцию социокультурной идентификации. При этом современное информационное пространство рассматриваемого славянского мира, создающее условия для письменного бытования фольклора в целом и народной припевки в частности, оказывает влияние на особую реализацию жанрового текста. Как уже отмечалось, письменная форма припевки реализуется в интернет-пространстве, которое открывает для реализации жанровых принципов публичности представления оценки, коллективности особые возможности. Специальные (например, частушечные) сайты предполагают фиксацию реакции аудитории на попра-

вившийся ей текст (отражается количество «лайков», особо отмечаются тексты, получивших максимум отметок на протяжении определенного периода – «лучшая за неделю», «лучшее за месяц», а также выделяются пользователи, разместившие наиболее востребованные частушки и т.п.).

Интернет-представление припевки трансформирует образ ее исполнителя. Анонимность текста поддерживается анонимностью исполнителя (в отличие от классической жанровой формы, транслируемой непосредственно перед публикой).

Изменение сферы бытования и адаптированной к ней формы существования припевки не приводит к изменениям базовых принципов частушечного миромоделирования. Докажем это на материале русской частушки.

Письменный характер бытования частушки накладывает определенный отпечаток на ее форму: ориентированная на чтение, оторванная от условий живого исполнения, письменная частушечная среда порождает тексты, по своей ритмико-интонационной структуре не соответствующие классической жанровой форме: *Кризис шагает Вовсю по Планете. Завтра придется Свалить с Интернета!* Кроме того, формируются тексты, прочтение смысла которых возможно только при их визуальном восприятии: например, включающие аббревиатуры, требующие для их обозначения использовать заглавные буквы: *Нету кризиса, ей-ей!!! У нас все для людей! Мы и в условиях ЖП Удвоаем ВВП!!!!*

Таким образом, отвечая на личностную потребность современного человека в социокультурной идентификации, припевка активно функционирует в его институционально не регулируемых коммуникативных сферах. При этом ее текст испытывает незначительные внешние трансформации, обусловленные особыми условиями бытования в письменной форме. Принципы жанрового миромоделирования в основном сохраняются, а содержание, согласно жанровым принципам, отражает актуальную для современного славянского мира действительность.

Институциональная реализация. Среди фольклорных жанров именно жанровая форма народной припевки наиболее активно используется социальными институтами для решения собственных задач. По степени институциональной востребованности этот жанр можно сравнить только с загадкой, но активность припевки в сфере институциональной коммуникации значительно выше (напр., об использовании загадки в педагогическом дискурсе см.: Перевалова 2013).

Припевку можно обнаружить в педагогическом, образовательном, рекламном и других дискурсах, но особо востребованной данная жанровая форма становится в дискурсе политическом.

Рассмотрим специфику институционально заданной реализации жанровой формы народной припевки в российском и украинском политическом дискурсе.

Цель политического дискурса – борьба за власть (Кашкин 2000; Шейгал 2000; Карасик 2002 и др.), в процессе которой его участники должны «внушить адресатам – гражданам сообщества – необходимость «политически правильных» действий и / или оценок» (Демьянков 2002: 37).

В основе специфики речевой составляющей политического дискурса – его манипулятивная установка, обеспеченная данной интенцией. Данная установка, в первую очередь, реализуется через ядерные жанры политического дискурса – политические дебаты, лозунги, выступления, инаугурационное обращение и др. (о жанрах политического дискурса см., напр.: Шейгал 2000).

Помимо ядерных жанров политического дискурса эта установка реализуется в жанровых формах его значимой периферии – *политических песнях, стихотворениях* и т.д., возникающих на пересечении с другими дискурсами. В жанровую периферию российского и украинского политического дискурса втягивается и народная припевка, активно используемая их агентами при реализации своих целей. При этом другие жанры современного славянского фольклора такой востребованностью в этой сфере не обладают в силу специфики жанровых свойств. Так, ограничения на использование жанров, ориентированных на передачу эмоционального состояния героя (лирическая песня, жестокий романс и т.п.), накладывает отсутствие, по Б.Н. Путилову, хроникальности, сиюминутности и злободневности (Путилов 1994). Другие – ориентированные «вовне» – жанры, например анекдот, не востребуются в силу жанровых ограничений другого типа: комический эффект в политическом анекдоте достигается за счет содержательного карнавального представления оппозиционной политической силы как жестко негативной, что не отвечает институциональным требованиям политкорректности.

Активное использование малых славянских песенных фольклорных жанров официальными политическими структурами определяется особым взаимодействием их формальных и содержательных свойств. Яркая внешняя стихотворная форма позволяет сохранять установку на раскованное, неофициальное общение, а также на трансляцию общекультурной (а не институционально заданной) нормативности при манипулятивной трансформации содержания. Кроме того, жанровая форма народной припевки фокусирует особое внимание клиентов дискурса на национально-культурной идентификации (частушка воспринимается как русский народный текст, коломийка – как украинский).

Так, от имени агентов российского политического дискурса, например политической партии «Единая Россия», активно организуются конкурсы частушек (например, Амурское, Рязанское и другие региональные отделения), причем их тематика – не политическая (*«Тещу да зятя нельзя разъяти» (о единстве семейных отношений)* (название конкурса, проводимого Амурским региональным отделением²)). Такие частушки способствуют реализации идеи национального единения, определяемой спецификой политической позиции данной партии, основанной на политике национального единства (из программного обращения партии: *Россия не раз добивалась настоящих прорывов, достойных ее величия, достойных силы и таланта нашего народа, богатства нашей культуры, общих ценностей, которые скрепляют единую и неделимую российскую нацию, единую и неделимую Россию*³).

Частушки на политическую тематику также востребованы в официальных политических структурах. В деятельности политических партий они используются и в рамках народных конкурсов, проводимых от имени агентов дискурса. Участвуя в них, клиенты дискурса, отвечая на его манипулятивность, продуцируют частушечную форму, лишенную ряда значимых признаков жанровой организации. Свойственный данному жанру комический эффект, основанный на выражении антинормативного содержания, практически редуцируется. Большинство институционально востребованных политических частушек абсолютно утрачивают такие жанровые свойства, как комическое переосмысление действительности. Разрушается основной принцип жанрового миромоделирования, основанный на антинормативности: *Я России Справедливой Буду верен до конца. У ребят из Справедливой Очень чуткие сердца // У России Справедливой Вышел первый юбилей. Каждый честный избиратель За дела ее болей!*⁴).

В приведенных текстах реализуется нормативное – с позиций данной политической партии – представление действительности. Она проявляется не только в особом содержании, но и в привлечении особых текстовых средств высоких стилей, не характерных для частушки (*Буду верен до конца; чуткие сердца*). Кроме того, жанровый текст частушки трансформируется под влиянием дискурсивных интенций, по форме приближается к лозунгу, который отличает оформление в виде призыва, долженствования (Стексова 2011), особое взаимодействие директивности и декларативности (Шмелева 2003): *Ты не слушай наставленья Ни начальства, ни друзей. Выбирай сам президента, Чтоб работал на людей // Избиратель, ты реши И на выборы спеши. Чтоб в Госдуму лишь попали Мальчиши-кибальчиши!* Даже анормативность в таких частушках оформляется не на основании жанрового «переворачивания нормы», а в форме прямого предупреждения: *Равно-*

душие людское До добра не доведет. Придут к власти мародеры, Статус жизни упадет. В результате создается эффект представления их ценностно ориентированного содержания от имени клиента политического дискурса.

Среди единичных примеров сохранения частушечных признаков – отдельные тексты, востребованные в рамках мероприятий, проводимых оппозиционными партиями России: *За парламент голосуют, Всех надуруют как хотят. Бюллетени подтасуют, Изберут кого хотят*⁵). Конкретные субъекты частушечного оценивания при этом не называются, негативные характеристики (*надуруют, подтасуют*) связаны с народным восприятием общих проблем всех избирательных кампаний.

Таким образом, среди институциональных дискурсов активностью использования припевки выделяется политический дискурс. Отвечая на манипулятивную интенцию социального института, припевка испытывает значительные трансформации жанровых принципов миромоделирования. Утрачивается свойство карнавального иронического переворачивания нормы: норма реализуется прямо, выстраиваясь с позиций агентов политического дискурса. При этом русскую частушку жанровые трансформации приближают к ядерным жанрам политического дискурса.

Реализация в коммуникативной сфере, обладающая признаками институциональности и личностной ориентированности. Помимо личностно-ориентированного и институционального (официального) дискурсов реализации народных припевок существует еще одна значимая и отличная от вышеназванных коммуникативная сфера их социально значимой реализации – пространство информационных сайтов. Эта коммуникативная сфера обладает признаками институциональности (как внешне контролируемая среда) и личностной ориентированности (как среда с низким уровнем формальности общения). Присутствие припевок на сайтах такого типа в интернет-пространстве России и Украины – показатель активизации национально-культурного самосознания. Так, большое их количество обнаруживается на современных украинских сайтах⁶. Эти коломийки отличает сохранность не только жанровой формы, но и жанровых принципов миромоделирования, связанных с «переворачиванием» нормы: *Коломийку заспівати, коломийку грати, Як не маєш, кого копнути, – Копни дупутата! // Українська Феміда Чесно заробляє – Хто покаже більше грошей Під того лягає.*

Помимо самостоятельного употребления, оформленного в виде отдельного жанрового текста, коломийки достаточно регулярно цитируются в полуофициальных текстах других жанров рассматриваемой коммуникативной сферы (отметим, что материалами личностно-ориентированных дискурсов Украины авторы статьи не располагают): *По-перше, хочемо відповідально заявити – у приватному спілкуванні між двома*

людьми жодного мовного питання не існує. Порозумітися можна навіть за рецептом відомої коломийки – **він усе, що йому треба, на мигах покаже**. Держава – от хто головна причина будь-яких мовних питань. Коли вживають слово «питання», завжди мають на увазі державну мову («Вопервых, хотим ответственно заявить – в общении между двумя людьми никакого языкового вопроса не существует. Объясниться можно даже по рецепту известной коломыйки – **он все, что ему нужно, на мигах покажет**. Государство – вот главная причина любых языковых вопросов. Когда употребляют слово «вопрос», всегда имеют в виду государственный язык»).

Это также можно рассматривать как форму проявления активности национально значимых интенций: на русскоязычных информационных сайтах факты цитирования частушек единичны.

Выводы. Частушка и коломийка демонстрируют общность принципов миромоделирования, обусловленную единством славянских традиционных фольклорных установок.

Такая жанровая специфика, а также ряд общих свойств современного социокультурного бытия славянских народов бывшего СССР определяют единство вектора изменений принципов функционирования славянских народных припевов.

Малые песенные фольклорные жанры в настоящее время практически утратили функцию организации устного фольклорного коммуникативного обмена в славянском социокультурном пространстве. При этом они оказались востребованы в других сферах коммуникации: на специальных интернет-сайтах – как лично-ориентированной коммуникативной сфере, в официальной политической коммуникации – как институциональной коммуникативной сфере, на официальных информационных порталах – как синтетичной коммуникативной сфере. В силу внешней ориентированности они обладают формально-содержательной мобильностью. Кроме того, сохранность данного жанра и удобство его использования для решения манипулятивных задач определяются его внешней привлекательностью для обывателя, обеспеченной комическим эффектом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Например, <http://www.chastushki.ru/>; <http://chastushka.yaxy.ru/> и др.
2. <http://portamur.ru/news/detail/edinaya-rossiya-sdelala-stavku-nachastushki/> и др.
3. <http://er.ru/party/program>

4. <http://www.verstov.info/news/society/16487-u-rebyat-iz-spravedlivoy-ochen-chutkie-serdca-magnitogorcy-priznayutsya-v-lyubvi-eseram.html>
5. <http://www.tv2.tomsk.ru/news/na-novo-sobornoj-lprozvuchalipoliticheskie-chastushkil>
6. Например, <http://tech.obozrevatel.com/news/2006/10/13/140061.htm>

ЛИТЕРАТУРА

Адоньева 2004 - *Адоньева С.Б.* Прагматика фольклора. СПб.: Изд-во СПб. ун-та; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. 312 с.

Богданов 2001 - *Богданов К.А.* Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПб., 2001. 438 с.

Демьянков 2002 - *Демьянков В.З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 2002. № 3. С. 32-43.

Карасик 2002 - *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

Кашкин 2000 - *Кашкин В.Б.* Введение в теорию коммуникации. Воронеж: ВГТУ, 2000. 175 с.

Кулагина 2000 - *Кулагина А.В.* Поэтический мир частушки. М.: Наука, 2000. 303 с.

Лазутин 1987 - *Лазутин С.Г.* Частушка // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 493.

Перевалова 2013 - *Перевалова Д.А.* Жанр загадки в дискурсе дошкольного образования: к вопросу трансформации жанра // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 32-36.

Путилов 1994 - *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 239 с.

Соколов 1925 - *Соколов Ю.* Частушка // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. С. 1090-1092.

Стексова 2011 - *Стексова Т.И.* Речевой жанр обещания в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 63-66.

Тубалова, Эмер 2005 - *Тубалова И.В., Эмер Ю.А.* Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора. Картина русского мира: аксиология в языке и тексте / Отв. ред. З.И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 257-296.

Шейгал 2000 - Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.

Шмелёва 2003 - Шмелёва Т.В. Лозунг // Культура русской речи: энцикл. словарь-справ. / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 313.

Эмер 2011 - Эмер Ю.А. Современный песенный фольклор: когнитии и дискурсы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 266 с.

REFERENCES

Adoneva, S.B. (2004) *Pragmatika fol'klora* [Pragmatics of the folklore]. St. Petersburg: St. Petersburg State University, Amfora.

Bogdanov, K.A. (2001) *Povsednevnost' i mifologiya: Issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti* [Daily life and mythology. Research on the semiotics of folk reality]. St. Petersburg: Iskustvo-SPb.

Demyankov, V.Z. (2002) Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoy filologii [Political discourse as an object of political science]. In: Gerasimov, V.I. & Il'in, M.V. (eds) *Politicheskaya nauka. Politicheskii diskurs: Istoriya i sovremennyye issledovaniya* [Political Science. Political Discourse: History and Current Research]. Issue 3. Moscow: INION RAS. pp. 32-43.

Karasik, V.I. (2002) *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena.

Kashkin, V.B. (2000) *Vvedenie v teoriyu kommunikatsii* [Introduction to the theory of communication]. Voronezh: VSTU.

Kulagina, A.V. (2000) *Poeticheskii mir chastushki* [The poetic world of the chastushka]. Moscow: Nauka.

Lazutin, S.G. (1987) Chastushka [Chastushka]. In: Kozhevnikov, V.M., Nikolaev, P.A., Andreev, L.G. et al. *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

Perevalova, D.A. (2013) The riddle genre in preschool education discourse: on genre transformation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 374. pp. 32-36.

Putilov, B.N. (1994) *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and folk culture]. St. Petersburg: Nauka.

Sokolov, Yu. (1925) Chastushka [Chastushka]. In: Brodsky, N., Lavretsky, A., Lunin, E., L'vova-Rogachevsky, V. et al. *Literaturnaya entsiklopediya: Slovar' literaturnykh terminov*: V 2 t. [The Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms: In 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, Leningrad: L.D. Frenkel. pp. 1090-1092.

Steksova, T.I. (2011) Speech genre of promise in political discourse. *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics Journal*. 4 (38). pp. 63-66.

Tubalova, I.V. & Emer, Yu.A. (2005) *Tsennostnaya kartina mira traditsionnogo i sovremennogo fol'klora* [The axiological picture of the world of traditional and contemporary folklore]. In: Rezanova, Z.I. (ed.) *Kartina russkogo mira: aksiologiya v yazyke i tekste* [The picture of the Russian world: axiology in language and text]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 257-296.

Sheygal, E.I. (2000) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Philology Doc. Diss. Volgograd.

Shmeleva, T.V. (2003) *Lozung* [The Slogan]. In: Ivanov, L.Yu. Skovorodnikov, A.P. & Shiryaev, E.N. (eds). *Kul'tura russkoy rechi: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [The Culture of Russian discourse: the encyclopedic dictionary]. Moscow: Flinta; Nauka. p. 313.

Emer, Yu.A. (2011) *Sovremennyy pesenny fol'klor: kognitsii i diskursy* [Modern folk songs: cognitions and discourses]. Tomsk: Tomsk State University.

Тубалова Инна Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

Tubalova Inna – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tina09@inbox.ru

Эмер Юлия Антоновна – доктор филологических наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

Emer Yulia – Tomsk State University (Russia).

E-mail: julika71@mail.ru